

ла высказать в достаточной мере аргументированное суждение о характере социально-экономических отношений в Египте в эту сложную эпоху.

В ходе рассмотрения книги уже было отмечено, что И. Ф. Фихман определяет изучаемый им период истории Египта как период глубокого разложения рабовладельческих отношений. В заключении к книге (стр. 251) он существенным образом дополняет сказанное раньше. Автор указывает, что все собранные им данные говорят о становлении в византийском Египте феодальных отношений. Данные эти следующие: «резкое снижение по сравнению с римским Египтом удельного веса рабского труда в сочетании с ростом значения труда свободных ремесленников, мелкий характер производства, большое развитие профессиональных объединений, роль крупного имения как производителя и потребителя ремесленных изделий». Становление феодальных отношений в Египте «не сопровождалось, однако, как на Западе, сильной натурализацией хозяйства».

Интересно отметить, что и польская исследовательница Е. Вишницкая еще с большей определенностью рассматривает период, начинающийся с IV века, как рождение новой социальной — феодальной — формации (structure)¹⁰.

К сожалению, И. Ф. Фихман свои принципиально важные и новые выводы формулировал лишь в заключениях, в слишком лапидарной форме. Это оставляет читателя неудовлетворенным. Хотя эти выводы вытекают из всего собранного и проанализированного в книге материала, и их обоснованность можно проследить и проверить в соответствующих разделах книги, все же их следовало бы рассмотреть специально и более развернуто.

В целом книга И. Ф. Фихмана является большим, ценным и серьезным вкладом в историческую науку.

Е. Э. Липшиц

М. А. ЗАБОРОВ. ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИЮ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Латинская хронография XI — XIII вв.).

Москва, изд-во «Наука», 1966, 382 стр.

Исследование на данную тему и притом в широком масштабе впервые появилось в медиевистике, советской и зарубежной. Хроники крестовых походов изучались многократно и пристально, но по преимуществу в источниковедческом плане, каждая в отдельности или небольшими группами. М. А. Заборов подверг их совокупность историографическому комплексному анализу, поставив целью выяснение исторических концепций хронистов и идейного содержания их трудов.

Задача вдвойне интересна. Прежде всего, потому, что такой методологический прием, будучи приложен к изучению одной, но целостной группы хроник, дает возможность проанализировать развитие исторических концепций хронистов, детально и максимально обоснованно. Затем, трудно найти в обширной средневековой хронографии материал, лучше приспособленный для решения поставленной задачи. Ни один цикл национальных хроник не обладает таким большим числом произведений, написанных одновременно, причем произведений оригинальных и ярко индивидуальных, посвященных одной и той же теме авторами различных национальностей и различного социального положения. Всему арсеналу методов исторического исследования в данной области предоставлен широчайший простор именно на материале крестовых хронографий.

М. А. Заборов прекрасно владеет своим обширным и достаточно сложным материалом, группируя его по тем или иным вопросам с завидной непринужденностью. Столь же свободно ориентируется он в обильной литературе, а она — это важно отметить — гораздо шире избранного профиля работы, будучи посвящена не только крестовым хроникам, но и всему крестовому движению в целом. Солидная эрудиция М. А. Заборова, давно работающего в этой области медиевистики, проявилась в полной мере.

Выводы автора интересны и свежи. Ему удалось решить поставленную задачу: идейное содержание хроник выявлено им с большой полнотой и доказательностью. Столь же убедительно показана динамика развития крестовых хронографий. Эта эволюция, происшедшая за срок по средневековым масштабам очень короткий

¹⁰ E. Wipszyska, L'industrie textile dans l'Égypte romaine, p. 8; ср. p. 91. Е. Вишницкая, в отличие от других исследователей истории Египта, рассматривает конец III в. и IV в. в рамках истории римского Египта. Она мотивирует такую периодизацию двумя соображениями — переходным характером периода III—IV вв. и изобилием папирологического материала для IV в. Этот пересмотр периодизации вызвал справедливые, на наш взгляд, возражения И. Ф. Фихмана в его рецензии на книгу Е. Вишницкой (ВДИ, 1966, № 4, стр. 192). И. Ф. Фихман прав, когда указывает, что специфика периода определяется в первую очередь соотношением нового и старого. В IV же в. «преобладающим и определяющим было именно новое, византийское», — пишет он.

(менее, чем за столетие), характеризуется непрерывным возрастанием светского, трезвого духа с преобладанием политических интересов и увяданием легковерия, назойливого провиденциализма и процерковных тенденций. В этом плане автор очень рельефно проводит грань между хрониками первого и последующих крестовых походов и правильно, на наш взгляд, объясняет эту перемену общими условиями развития средневекового общества в XII в. Опять-таки, именно смена тенденций обозначена в этой области латинской хронографии ярче, чем в какой-либо другой, может быть в силу того, что обстоятельства лишь первого крестового похода способствовали наиболее яркому проявлению церковных тенденций, веры в чудеса, идеи «священной войны» и т. д.

Вместе с тем, главные выводы автора, добытые на материале исключительно ярком (в силу необычности самих описываемых событий) очень существенны и для понимания эволюции всей латинской хронографии XI—XIII вв. Поэтому книга М. А. Заборова представляет собой интересный вклад в изучение средневековой историографии и в медиэвистику в целом.

Какие положения книги могут вызвать возражение или дать пищу для соображений иного рода, чем высказанные автором?

Прежде всего, представляется преувеличением мнение автора (стр. 16), что изучение латинской хронографии XI—XIII вв. является отправным пунктом и необходимой предпосылкой для общей историографии крестовых походов; отсюда и заглавие книги. Между тем, связь между средневековыми хрониками и общей историографией, т. е. исторической наукой в точном смысле слова, не столь прямолинейна, да и вообще не столь категорична. Например, современная историография средневековой Франции очень обильна и успешно развивается, хотя наука не располагает по данной теме обширным *историографическим* исследованием французских средневековых хроник. Если М. А. Заборов даст советской науке критический обзор также и научной историографии крестовых походов, все мы будем это приветствовать. Но уже сейчас его работа не является просто введением к будущему труду. Она представляет самостоятельную ценность, и методологически вполне обоснована и обоснована.

Далее — о соотношении историографического и источниковедческого планов исследования. М. А. Заборов вполне прав, подчеркивая первый аспект, ибо при решении поставленной им задачи источниковедческий анализ играет подчиненную роль. Это тем более важно отметить, что, как уже было сказано, крестоносные хроники как исторические источники давно уже изучены зарубежными медиэвистами. Между тем, на деле в книге оба аспекта сосуществуют почти на равных правах. Достоверность или сомнительность сообщаемых хрониками фактов является фундаментом, на котором строится не только возможность их использования в качестве источников, но и оценка исторических концепций авторов. Нельзя винить М. А. Заборова в недостаточности реального (т. е. не декларативного) размежевания данных аспектов, поскольку это реальное их размежевание, буде оно было бы осуществлено, означало бы искусственное разделение органически цельного явления, т. е. ошибку методологического порядка. Однако в упрек автору следует поставить недостаточное разъяснение читателю (хотя бы во введении) сложности метода специально историографического исследования и его неразрывности с источниковедческим анализом.

Далее, из собранного в работе материала, а также из некоторых формулировок автора явствует, что чисто мировоззренческие концепции хронистов скудны и шаблонны (исключение составил бы Оттон Фрейзингский, но как раз об его концепции в книге не сказано). Поэтому внимание исследователя (и читателя) все более и более привлечено не к ним, а к тому, что от них отклоняется, и что составляет неповторимую индивидуальность и ценность хроник. В самом деле, что роднит хронистов, особенно авторов конца XI — начала XII вв.? Наивный провиденциализм, сознательная или неосознанная пропаганда крестоносного движения, вера в чудеса и т. п. Историографические же отличия выражены так отчетливо, что не только для М. А. Заборова (досконально знающего каждого автора), но и для читателя они не вызывают сомнений.

Эти различия позволяют наметить две основные группы авторов (разумеется, при этом разделении на две группы критерием служит лишь главная характеристика того или иного хрониста): 1) участников-мемуаристов (сам факт бурного развития записей дневникового или мемуарного типа заслуживал большего внимания) и 2) хронистов-историков, обрабатывавших и сводивших произведения авторов первой группы. Для мемуаристов провиденциализм является прежде всего «жизненной философией». Для них бог и дьявол — не «двигатели» исторического процесса, а реально существующие персонажи, властно вмешивающиеся в жизнь и деяния крестоносного воинства в *такой же* мере, как и в *любую* другую конкретную действительность, вплоть до бытовых мелочей. Вообще чувство «историзма» как такового у этих авторов развито слабо; оно больше привнесено исследователем в процессе научного анализа. У мемуаристов силен здравый смысл (что и отмечает М. А. Заборов); он дает им возможность *объяснить* то, что они в силах *понять*, а необъяснимое приписать божественной воле. Но, как известно, эта черта свойственна людям не только XI — XII вв. Поэтому нам представляется, что для характеристики мышления авторов первой группы нельзя применять такие категории как «потусторонность» и «посю-

сторонность» или «двуплановость». Даже ссылка на типичность этого рода мышления для средневекового человека оставляет эту типичность необъясненной. Здесь проблему следует ставить иначе, в плане социальной психологии. Кстати, для этого в работе М. А. Заборова собран первоклассный и обильный материал.

Произведения авторов второй группы, т. е. хронистов-историков, являются действительно историческими сочинениями, к которым в полной мере применимы историографические оценки. Но тогда в некоторых случаях необходимо изучить *всю* сумму трудов этих авторов. Это особенно важно, например, для Гиберта Ножанского или Оттона Фрейзингенского. В работе М. А. Заборова они выступают обедненными — лишь как историки крестовых походов. Между тем Гиберт Ножанский также и автор первой в средневековой литературе, и притом любопытнейшей, автобиографии. Кроме того, он отнюдь не был «высокопоставленным» аббатом (стр. 298) и т. д. Еще сложнее труды Оттона Фрейзингенского, Жуанвиля и т. д.

Следующее замечание касается характеристики религиозности хронистов. Создается впечатление, что для М. А. Заборова религиозность является почти синонимом церковной идеологии: если хронисты говорят о боге — они религиозны, если ими овладевают мирские интересы — религиозная оболочка оказывается «хрупкой», «истончается» и т. д. (стр. 91—92 и мн. др.). Такая постановка проблемы представляется упрощением; и в данном случае исследование в плане социальной психологии дало бы более ощутимые и верные результаты. Человек XI—XIII вв. всегда верил в бога и в дьявола. Его религиозное мировоззрение не «снялось» какими-либо, даже мощными, мирскими материальными интересами, ибо оно определялось всеми условиями его существования: ни арелигиозным, ни антирелигиозным оно быть не могло. А вот церковная идеология действительно могла быть и была — особенно у рыцарей, горожан, крестьян — привнесеной, наносной, «хрупкой» и т. д. Поэтому нет нужды искать для объяснения ее исчезновения или «истончения», языческих — язычество ведь тоже религия! — корней (стр. 83) или аристократического рационализма (стр. 90). Эти проблемы следовало бы рассматривать в другой плоскости.

Последнее замечание касается участия крестьянства в крестовом движении. Хотя эта тема подана как бы в преломлении хронографии, но на деле она приобрела в книге и самостоятельное значение. М. А. Заборов склонен оценивать участие крестьянства как движение по существу освободительное и антифеодалное (стр. 247 и сл.). Приводимый материал вряд ли оправдывает только такую трактовку. На Востоке крестьяне рассчитывали найти для себя землю, и, действительно, те, кто дошли, ее получили, однако в качестве *мелких рыцарей*, а не крестьян. Личная свобода уже была предоставлена крестьянам как участникам крестового похода. То, что в военных действиях они выполняли особые функции, объяснялось отсутствием у них вооружения, коней и профессиональных военных навыков, т. е. всего, что делало тогда из человека воина. Отношение рыцарей к крестьянам, конечно, в основе было таким же, как в Европе, однако совместная борьба внесла и новые элементы, на которых М. А. Заборов недостаточно остановился, подчеркивая преимущественно рознь.

Недостатками книги являются невыразительное заключение (несмотря на большие размеры оно лишь суммирует выводы по отдельным главам) и чрезмерное обилие латинских цитат. В подавляющем числе случаев они не нужны, так как перевод не представляет затруднений. Цитаты целесообразны лишь тогда, когда перевод сложен, а итог сомнителен; их цель — дать читателю возможность проверить те случаи, которые автор предлагает с известной неуверенностью.

Из сказанного явствует, насколько рецензируемая книга интересна для медиевистов. Ее следует рекомендовать и тем, кто интересуется проблемами истории исторической науки. В этом длительном и сложном процессе авторам, записавшим и по-своему осмыслившим события крестового движения, сыгравшего крупную роль в развитии европейского континента, принадлежит одно из значительных мест. Именно в их сознании раньше и может быть ярче, чем в сознании других хронистов эпохи, произошел перелом, знаменовавший собой один из этапов становления светского исторического мышления.

А. Д. Люблинская

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОСОПОГРАФИИ

Вряд ли нужно специально подчеркивать важность просопографии для изучения византийской истории и социальной истории в частности: без нее невозможно уяснить историю господствующего класса, выявить соотношение различных его группировок, уточнить вопрос о проникновении в Византию иноземных элементов, детализировать социальную картину жизни византийской провинции и т. д. и т. п.

До последнего времени в византийской просопографии было сделано очень мало: можно назвать лишь несколько статей (Г. А. Острогорского, В. Лорана, Н. Адонца, К. Амандоса, Г. Штадтмюллера, Б. Ферьянчича и др.), посвященных отдельным фамилиям, а часто представляющих собой просто алфавитные списки лиц, носивших одно и то же фамильное имя. Трудности, вызванные скудностью материала (частич-